

— Иди есть. — Во дворе, неизвестно откуда, возник сухопарый мужчина. На его шее отчетливо выделялся багровый след от удушья.

Глаза мужчины слегка вылезли из орбит, из-за чего его и без того узкие щелочки век казались неестественно широко распахнутыми. Щеки ввалились, лицо напоминало череп, обтянутый кожей, а скулы торчали особенно остро.

Зомби? Тан Шуаньи первым делом подумал об этом классическом персонаже из кино. Но тут же отбросил мысль: это всего лишь обычная сельская местность.

И все же он невольно отступил назад, прячась за спину Тан Шу. Неизвестно почему, но этот человек вызвал у него жгучую неприязнь. Безо всякой причины, просто отвращение, словно между ними когда-то случилась серьезная размолвка.

Семья Тан, судя по всему, жила в деревне зажиточно: у них было несколько кирпичных домов. И непонятно, почему они не выделили комнату для Тан Шу и его матери? Та лачуга, где они ютились, не защищала ни от ветра, ни от дождя — сущий ад.

Тан Шу вытянула Тан Шуаньи из-за спины и легонько подтолкнула вперед:

— Иди с братом, не заставляй его ждать. — В конце фразы голос Тан Шу слегка повысился, прозвучав с издевкой.

Если старший брат посмеет хоть пальцем тронуть Сяо Шуана, она будет свободна от правил и сможет расправиться с ним сама.

Страх Тан Шуаньи сменился изумлением. Неужели этот человек, не имеющий с Тан Шу ни малейшего сходства, действительно его старший брат? Генетика — поистине удивительная штука.

Мужчина, заметив, что Тан Шуаньи направился к нему, двинулся вперед, делая шаг за шагом с механической четкостью. Тан Шуаньи прошел пару метров, заметил, что Тан Шу по-прежнему сидит во дворе, и остановился:

— Сестра, иди обедать, хватит уже горох лущить. — Он сладко улыбнулся, и его глаза превратились в очаровательные полумесяцы.

Тан Шу продолжала перебирать стручки, словно не слышала его.

— Разве женщинам дозволено садиться за стол? — Голос прозвучал словно из глубины живота, сухой и скрежещущий, будто терли наждачной бумагой по дереву.

Тан Шуаньи хотел было рефлекторно возразить, но оцепенел от ужаса. Когда мужчина заговорил, он не повернул головы, не открыл рта. Казалось, он действительно издает звуки

брюшными мышцами.

Губы Тан Шуаньи задрожали, пальцы онемели. Страх подавил волю. Он попятился, наткнулся на грубую глиняную стену и в порыве отчаяния впился в нее ногтями. Кровь смешалась с пылью, острая боль немного привела в чувство. Он понял: бежать некуда.

По сравнению с Тан Шу старший брат казался воплощением жестокости: серый цвет лица, скверный нрав и закостенелые феодальные предрассудки.

Не отдавая отчета своим действиям, Тан Шуаньи оттолкнул мужчину, со слезами на глазах бросился обратно к Тан Шу и, словно хватаясь за последнюю соломинку, уткнулся лицом в ее плечо:

— Сестренка, можно мне не ходить? Я хочу остаться с тобой.

Он выглядел по-настоящему жалко. Тан Шуаньи боязливо покосился на старшего брата. Несмотря на то что по статусу этот высохший человек приходился ему родным братом, он испытывал перед ним животный ужас. Одно дело — знать правду, и совсем другое — чувствовать.

Тан Шу отложила работу, тонкими пальцами погладила Тан Шуаньи по голове, а затем подняла взгляд на медлительного мужчину:

— Он не хочет идти. — Она изменила свое решение. Если для того, чтобы получить шанс убить этого уроды, нужно, чтобы ее младший брат, который так долго не мог вернуться домой, испугался — что ж, она может повременить с мекьей.

— Он обязан идти. Таковы правила дома.

Зрачки Тан Шу, казалось, стали еще более рассеянными, отчего по спине пробежал холодок:

— Младший брат скоро берет в жены невесту. Он вырос и теперь сам может устанавливать правила. — В ее голосе сквозила затаенная угроза.

Во дворе воцарилась тишина. Когда Тан Шуаньи поднял голову с плеча сестры, он обнаружил, что они остались одни.

— Он...

— Почему ты так боишься старшего брата? — Тан Шу прищурилась. — Он просто болен. У него сгнил язык, поэтому он не может говорить ртом.

Тан Шуаньи собирался спросить про свадьбу, но слова сестры сбили его с толку, и он забыл, о чем хотел спросить.

— А отчего он сгнил? — Тан Шуаньи вспомнил иссохшее тело брата и решил, что все понял: раз язык сгнил, есть было трудно, вот он и исхудал.

Тан Шу вдруг вспомнила что-то приятное, уголки ее губ, скрепленные швами, слегка разошлись, но Тан Шуаньи этого не заметил.

— Может... потому что он любил распускать сплетни?

— А?

— Младший братик, разве ты не слышал поговорку? У тех, кто любит болтать лишнее, язык гниет.

Тан Шуаньи машинально прикрыл рот рукой, беспокойно озираясь по сторонам. Тан Шу отвела его руку от лица:

— Я пошутила.

Затем она поправила ему волосы:

— Не ходи туда есть, там все равно ничего вкусного. Сходи лучше встретить гостей, у них наверняка полно угощений.

Тан Шуаньи послушно кивнул:

— А они скоро будут? Как они выглядят?

Его длинные ресницы подрагивали, а пухлые щеки придавали лицу совсем детский вид. Тан Шу посмотрела в сторону въезда в деревню:

— Как только придешь туда, они сразу появятся.

— А? — Тан Шуаньи решил, что волонтеры и родственники зятя уже ждут снаружи. — Тогда я побегу их встречать!

Он сорвался с места и умчался прочь, словно резвый кролик.

<http://bllate.org/book/19177/1882778>